

Новая подборка.

Виктория КОЛЬЦЕВАЯ

ВРЕМЯ ОБЛАТОК

|

Эти мне маргаритки в ноябре.
Собака принюхивается, казалось, к снегу,
а снег цветет.
Жизнь по юлианскому календарю

заканчивается позже.
Кто-нибудь мог еще проснуться
и любить:
за две запасные недели надорванная надежда
способна затянута розовой кожицей.

Собака не думает, что маргаритки лучше снега.
Трогает белые пятна на траве,
фильтрует запахи.
Я тоже фильтрую слова сообщений,
преувеличивая смысл предыдущим опытом.

Эти мне маргаритки...
Несколько жизней назад здесь росли волчьи ягоды.
Тот, кто разводит волков,
собирал урожай.
Волки покорно склонялись к лукавым пригоршням
цвета засахаренной крови
и уходили.

Тот, чья надежда не срослась,
приходит к тем,
кто разводит людей.
Просит вернуть календарь,
и позволить уйти за две недели до снега.

Но эти мне маргаритки —
прорастают на рваной траве розовой кожицей,
раскрываются белым,
тычутся в теплые влажные ноздри,
будто собака разводит маргаритки
и не может уйти.

II

"Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк..." (Киплинг)

То ли на погоду, то ли раны,
то ли я волнуюсь о тебе.
Ироду не спится как Шерхану
в многоликой Дантовой толпе.
Лес земной пройдя до середины,
перебрав по горстке сад камней,
подниму один и брошу в спину.
Потому что нет меня страшней.

.....

Прости меня так,
будто ангел небесный простил.
Мне тяжесть твою не сносить в листопадной горсти.
Я ниже травы, и воды,
и земли под ногой.
Споткнешься, подумаешь,
некому крикнуть — на кой.
Но все же, но все же
без малого тысячу дней
ты ходишь по коже,
не сросшейся коже моей.

.....

Пой лягушонок, расти звезда,
мякоть лимона,
кора осины.
Смерть начинается с ни черта
в области духа, отца и сына.
Жизнь устремляется в никуда
в изохромате сосны и ели.
Если над ней налилась звезда,
надо потрогать,
пока не съели.

.....

Снова январь
в Сионийских горах,
сын человеческий нежен и гол.
Я не охотник за совесть и страх
и не купец
за последний обол.
Вытрясу шкуру из волчьей души,
кину шакалу
последнюю кость.
Брат мой клыкастый,
дела хороши,
я промахнусь
и забуду авось.
Вычешет гор золотой гребешок
спутанный мокрый подшерсток небес.
Сын человеческий
руку обжег,

род человеческий нет,
не исчез.
Верит — овчинный, тулупий,
смурной,
женоподобный хранитель огня.
Сын наугад
согласится со мной.
Волк промолчит
и оставит меня.

III

Чем бесснежней, тем ближе чертог Рождества.
Золотится на звездных губах пахлава,
льется мед с языка, начинается год
вдалеке от раскрытых Навозных ворот.
Посмотри на часы,
полевой акушер,
убывают секунды свинцовым драже.
Закатай рукава,
начинай, помолясь,
сочинять бесконечную снежную вязь
на имбирном печенье,
пшеничной кутье,
на фруктовом кораблике в мертвой воде.
Отрывается время облаков.
И кто
на троянском коне в долгополом пальто
ожидает торжественной встречи у входа —
это я, тридесятое чудо природы,
не испортив,
точней, не начав борозды.
Это я, перешедшая с миром на ты,
чтоб по нитке рубаху скроить и пальто,
говорю ему с детской улыбкой:
не то
бологое, ямское, узда и хомут.
И такие, глядишь, до звезды заживут.